

На правах рукописи
УДК 886.1.09-3+882.09

ГАВРИШИНА Людия Константиновна

ЖИТИЙНЫЕ ПОВЕСТИ О САВВЕ СЕРБСКОМ И
СЕРБСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Специальность - IO.OI.O4 -
Литература зарубежных социалистических стран

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 1986

Работа выполнена в Секторе славянских литератур Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Научный руководитель: доктор филологических наук
член-корреспондент АН СССР Н.И.Толстой

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
А.Н.Робинсон
кандидат филологических наук
М.Л.Бершадская

Ведущая организация: Институт русской литературы

/Пушкинский Дом/ АН СССР

Защита состоится "14" июня 1986 г. в 16⁰⁰ ч.

на заседании Специализированного совета Д 002.97.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения и балканистики АН СССР по адресу: 125040, Москва, Ленинградский проспект, 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института славяноведения и балканистики АН СССР /Москва, ул. Вавилова, д. 37-а/.

Автореферат разослан "5" мая 1986 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

Г.К.Венедиктов

Актуальности темы. Вопросы сравнительного изучения, типологии и взаимосвязей древнеславянских литератур вызывают в последние годы растущий интерес медиевистов. Круг источников, используемых специалистами в этой области, тем не менее, нуждается в существенном расширении, в первую очередь за счет привлечения богатого рукописного наследия, в котором находит свое непосредственное отражение целостность духовной культуры южных и восточных славян в эпоху средневековья. Далекое не полностью освоены в наши дни, в частности, те рукописные материалы, которые могли бы стать основой для изучения проблемы взаимодействия древнесербской и древнерусской литератур. До недавнего времени ни один из ее аспектов специально не разрабатывался советскими славистами. Между тем без всестороннего исследования этого важного звена межславянских литературных отношений было бы невозможным решение столь насущной задачи как создание единой истории древнеславянской словесности. Актуальность изучения сербско-русских контактов в области книжности подтверждают результаты исследований В. А. Мошина, М. Мулича, В. А. Грихина. Как и проведенные за последние годы археографические разыскания Д. Богдановича и А. А. Турилова, они свидетельствуют о необходимости пересмотреть, исходя из истории культурных взаимоотношений двух стран, некоторые традиционные представления о так называемом втором южнославянском влиянии на русскую письменность.

Значение литературных связей с Сербией для развития русской словесности в полной мере раскрывается в более позднюю историческую эпоху, чем результаты контактов с Болгарией. Важнейшей предпосылкой расширения этих связей явился расцвет сербской национальной культуры в XIII-первой половине XIV в. Усилившееся на рубеже XIV-XV вв. сербско-русское межлитературное общение не ослабевает

и спустя многие десятилетия, получая новые формы и направления развития. Как отмечает А.А.Турилов, особенности памятников, проникающих на Русь в конце XV-первой четверти XVI в., позволяют говорить о преимущественно сербско-русском характере связей этого времени.¹

К первым десятилетиям XVI в. относится начало широкого распространения на Руси одного из наиболее значительных в сербской словесности агиографических сочинений – Жития Саввы Сербского,² составленного монахом Хиландарского монастыря на Афоне Феодосием, по-видимому, в конце XIII в. О бытовании этого памятника на Руси известно сравнительно давно, но история его распространения до сих пор не получила удовлетворительного научного освещения и рассматривалась вне непосредственной связи с развитием русской житийной литературы.

Цели и задачи исследования. Основной задачей автора явилось воссоздание истории бытования на Руси житийной повести о Савве Сербском в текстологическом и историко-литературном аспектах. Ее решение позволило сделать ряд обобщений, касающихся объема и характера внославянско-русских литературных связей в средние века, их значения для развития русской литературы, выявить общие черты в становлении художественного сознания в Сербии и на Руси.

Новизна исследования. В основе диссертации – результаты изучения материалов отечественных книгохранилищ /ГБЛ, ГИМ, ЦГАДА, ГПБ,

¹ А.А.Турилов. Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV-первой четверти XVI в. Автореферат канд. дисс. М., 1980, с. 23.

² Савва Сербский /около 1175–1235/ – одна из крупнейших фигур славянского средневековья, церковный и политический деятель, первый сербский архиепископ /1219/, основоположник национальной сербской литературы.

БАН, ЛОИИ, Центральной библиотеки АН Литовской ССР/. В процессе работы введено в научный оборот около 60 русских списков Жития Саввы /Д.Богданович в 1975 г. обнаружил в ГЕЛ и ГИМ ЗИ список/. Часть рукописей не имела научного описания и была выявлена, датирована, описана и проанализирована автором. В ходе исследования найден новый источник Жития, уточнено количественное и качественное соотношение редакций памятника в русской рукописной традиции, выявлены конкретные русские житийные произведения, на которые труд Феодосия Хиландарца оказал непосредственное влияние.

Практическая ценность работы. Основные выводы автора могут быть использованы археографами, специалистами по истории сербской и русской словесности и межславянских литературных связей. Они могут оказаться полезными при чтении общих и специальных курсов по истории славянских литератур в МГУ, ЛГУ и других высших учебных заведениях страны, при разработке проблем восприятия литературы в этнонациональной среде, вопросов историко-типологического изучения средневековой литературы, а также при работе над созданием истории древнеславянской словесности.

Содержание диссертации. В работе две главы. В первой главе "Феодосиевское Житие Саввы и сербская агиографическая традиция" рассмотрены - в контексте средневековой сербской словесности XIII-XIV веков - история создания и идейно-художественные особенности памятника. Значительное место уделено вопросам национального своеобразия сербской житийной литературы, а также проблемам жанра житийной повести и ее места в славянской письменности.

Еще в начале XX в. было установлено, что в тексте феодосиевского Жития содержатся заимствования из Жития Саввы Освященного, составленного Кириллом Скифопольским /XI в./. Наши текстологические

разноскания позволили выявить другой греческий источник сочинения сербского автора - Житие Димитрия Солунского. В нем, как известно, содержится рассказ об убийстве болгарского царя Калояна /1197-1207/, замыслившего разорить Солунь, родной город Димитрия; это событие излагается как посмертное чудо святого. Феодосий заимствует довольно обширный отрывок из сочинения византийского автора, повествуя о том, как по молитве Саввы был убит некий Стрез, человек немилосердный к ближним, предавший своего благодетеля короля Стефана Первовенчанного. Принципы заимствования текста интересны с точки зрения средневековой философии истории. Агиограф исходит прежде всего из единства двух событий в их сущности и значении: обоим святым посылается помощь свыше для победы над имеющим один и тот же "корень" злом.¹

Сербские житийные повести, имеющие широкую историческую основу, отличались разнообразием принципов осмысления жизненных явлений, соединения истории и идеализации, которые обуславливались особенностями мировоззрения и литературно-эстетическими задачами авторов. В настоящей работе идейно-эстетические принципы Феодосия рассмотрены в контексте творчества его непосредственных предшественников и последователей.

В сочинениях Доментиана /Житие Саввы, 1253 или 1254 г., Житие Симеона, 1264 г./ мирское содержание жизни подвижников всецело подчинено их идеализации. Прославляя Савву и его отца Стефана /в монастыре Симеона/ Неманю как просветителей Сербии, автор возносит их над миром и его противоречиями. Человеческая воля героев нераздельно слита с волей божественной. Ход повествования в трудах Домен-

¹ См.: Еврот св. Саве, написао Доментијан /ошибочно вместо: Теодосије/, изд. Ђ. Даничић, Београд, 1860, с. 101-104.

тиана определяется в первую очередь сменой монументальных символических картин, в которых запечатлевается высший, духовный смысл совершающегося. Поэтический характер идеализации предопределил предельную обобщенность и статичность образов святых. Под пером автора повествование нередко перерастает в панегирик.

Труд Феодосия Хиландарца, первоначально получивший известность под названием феодосиевской редакции Жития Саввы, по сути дела является вполне самостоятельным сочинением. Художественные принципы агиографа и его предшественника весьма несходны. В отличие от Доментиана Феодосий главным образом рассказчик: имеющиеся в его Житии молитвы и похвалы воспринимаются как поэтические отрывки в прозаическом тексте. "Реалистичность" стиля автора, часто отмечаемая исследователями, во многом обусловлена его проповедническими задачами. В жизненном пути "первоучителя сербского" Феодосий увидел прежде всего образец для подражания, необходимый его современникам, "покорившимся" мирской суете. Агиограф отказывается от сложной символики и богословских построений, которые мы находим у Доментиана, а также от попытки изобразить события из жизни Саввы как изначально предопределенные. В феодосиевском Житии, как и в труде Доментиана, образ святого почти не затрагивают противоречия мирской жизни, однако здесь это обусловлено самим биографическим материалом: изображается церковный деятель, с юных лет избравший для себя иноческий путь. Эти противоречия вместе с тем уже ясно сказываются в изображении высшей знати, других персонажей. В своем Житии Саввы Феодосий освещает ту сторону христианских представлений о человеке, которая не нашла достаточного отражения у Доментиана в силу панегирического и в известной мере парадно-официального характера его сочинений, предназначенных главным образом для двора.

Агиограф в конкретных образах раскрывает такие духовно-нравственные категории как способность человека к выбору между добром и злом, внутреннее стремление приблизиться к богу или упорство в самоотчуждении от него, способность к признанию своих грехов, покаянию. Историю духовного становления Саввы Феодосий прослеживает в ее отношении к житейской реальности, происходящее с ним показывает через восприятие мирских людей, религиозные и аскетические устремления персонажей – в противоречивом единстве с душевными, человеческими началами. Изображая подвижника на пути непрерывного духовного возрастания, соотнося его идеальный образ с образами мирян, автор как бы предлагает читателям определить истинную цену их собственной религиозности и нравственных принципов.

Особенности творческой манеры Феодосия – стремление передать яркость красок здешнего мира и разнообразие душевных движений человека, беллетристичность изложения – говорят о его сочинении как о явлении достаточно необычном в средневековой агиографической литературе. Автор ориентируется на тех читателей, которые знакомы со светскими повестями, имеют вкус к неожиданным поворотам в развитии сюжета. Вместе с тем внешнее подражание роману /бегство Растко^I, погоня, попытки его вернуть, обман им преследователей и т.п./, отмечаемое исследователями, подразумевает известную иронию книжника по отношению к персонажам светских сочинений. Это один из способов утвердить в сознании читателя образ истинного, с точки зрения агиографа, героя – христианского подвижника, который побеждает "мир", обезоруживая его своим хитроумием и преображая своей духовной силой. Необычная для сочинений житийного жанра занимательность произведения Феодосия, очевидно, ускорила его распространение в древней

^I Растко – мирское имя Саввы.

книжности. Оно постепенно вытеснило биографию Саввы, составленную Доментияном, которая дошла до нас лишь в нескольких списках /сохранившихся сербских списков Феодосиевского Жития насчитывается свыше двадцати/.

Намеченные Феодосием принципы трактовки образа человека получили дальнейшее развитие в сербской житийной литературе XIV в., прежде всего в Сборнике житий королей и архиепископов сербских, составленном архиепископом Даниилом II /около 1270-1337/, его учениками и продолжателями. Как и в Феодосиевском Житии, в сочинениях Даниила немалую роль играет представление об активности личности на ее пути к духовному совершенству. Однако в его житиях, посвященных светским властителям, еще более отчетливо, чем в труде Феодосия сказывается осознание противоречий между религиозно-общественными идеалами и реальностью человеческого бытия. Герои Даниила, проводящие большую часть жизни среди мирских соблазнов, познают христианские истины через противоречия собственного жизненного опыта, через отступления от евангельских заповедей. Греховное прошлое подвижников определяет самые принципы идеализации: в ее основе - описание молитвенно-аскетического подвига героев, их беспрестанного покаяния. Изображение "житейского моря" у Даниила уже не может привести к беллетризации изложения - с момента своего обращения подвижник покидает "мир", целиком отдаваясь делу личного спасения.

В вошедшем в Сборник Жития архиепископа Даниила II, написанном учеником последнего, драматизм духовно-нравственных переживаний героя как бы преодолевается его самоотверженной любовью к ближним в противостоянии темным силам зла /описание участия Даниила в обороне Хиландара/. Изображая подвижника в его противоречивом единстве с "миром", ученик Даниила возрождает в своем сочинении принципы соед

нения истории и идеализации, характерные для Феодосия. Произведения двух агиографов, как это нередко отмечается исследователями, сближают и особенности поэтики: развитое повествовательное начало, обилие подробностей в описании событий, спенничность изложения.

Вторая глава - "Житие Саввы Сербского и его место в истории южнославянско-русских литературных связей" - посвящена проблемам бытования памятника в русской рукописной традиции и его роли в развитии агиографической литературы на Руси. В связи с этим освещены вопросы развития книжной культуры в славянских землях в ее отношении к литературному процессу, ставится вопрос о характере и хронологических границах так называемого второго южнославянского влияния на русскую письменность.

Несмотря на тесную общность сербской и болгарской литератур как непосредственно продолжающих кирилло-мефодиевскую традицию, древнесербская словесность в некоторых отношениях стоит ближе к литературе древней Руси. Как известно, в сочинениях сербских и русских книжников нашли свое яркое отражение процессы становления национальной государственности; в обеих странах в начальный период развития письменности появляется не известный в Византии и не представленный в средневековой литературе Болгарии жанр княжеского жития; образы светских властителей играли заметную роль и в гимнографии. Вместе с тем пути эволюции жанра агиобиографии в двух странах были во многом различны, что объясняется различием общественно-исторических условий формирования национальных литературных традиций. Становление и расцвет сербской агиографии относятся ко времени окончательного складывания и постоянного укрепления политической мощи сербского государства, к периоду правления одной династии. Главное направление в развитии сербской литературы периода

расцвета представлено "властительской агиобиографией", житийными произведениями, посвященными Стефану Немане и его потомкам. Светские властители и церковные иерархи прославлялись агиографами прежде всего как просветители, защитники и покровители отечества; в этом находило свое выражение значение житий как "памятников национального самосознания сербов" /определение И.Н.Голенищева-Кутузова/. Русские жития XI-XIV вв., в частности княжеские, были более многообразны по своим типам, чем сербские XIII-I половины XIV столетия. Так, сербская литература этого времени не знает мученических житий. Характерные для этого периода пространные житийные повести были полифункциональны по своему значению, отличались богатством исторического содержания и сложностью художественной структуры. Они не только в изобилии включали в себя разнообразные "малые" жанровые формы /молитвы, похвалы, проповеди, послания и т.д./, но и во многих отношениях выполняли функции других жанров, которые в русской литературе развивались обособленно друг от друга /ораторская проза, исторические жанры/. Русская словесность XI-XIV вв. обладала как бы более дробной и разветвленной системой жанров. Различными были и особенности распространения житийной литературы в двух странах. Известная замкнутость и изолированность областных традиций преодолевается в русской словесности лишь к XVI в., времени централизации государства. Этот период, характеризующийся объединительными тенденциями в области письменности, а также усиленным ростом агиографической литературы, исключительно интересен с точки зрения историко-типологического изучения средневековых литератур Сербии и Руси.

Анализируя особенности литературного процесса в древней Руси, В.О.Ключевский отмечал, что в XV-XVI вв. жанр жития начинает тес-

нить другие жанры, появляется множество переработок древнейших кратких житий, увеличивается объем и усложняется художественная структура агиографических сочинений, завершается процесс объединения жанров жития и похвального слова. Явления и процессы, подобные отмеченным для русской литературы XV-XVI вв., были характерны и для сербской словесности XIII столетия, когда появляются пространные жития Саввы - написанное Доментианом^I и принадлежащее перу Феодосия /оба сочинения обширны - 228 и 219 страниц в изданиях Дж.Даничича/. Общности направлений литературного развития в Сербии и на Руси в указанные периоды соответствовало определенное сходство условий общественной жизни: завершается борьба за независимость, создается общенациональное государство. Вместе с ростом национального самосознания усиливается интерес к жизни и подвигам выдающихся соотечественников, явившихся выразителями общественных и религиозных идеалов. Эта общность, по мнению автора данной работы, была одной из основ сближения и взаимодействия двух славянских литератур. Ярким примером этого взаимодействия стала судьба Феодосиевского Жития Саввы в русской книжности.

Работа с древнерусским рукописным наследием позволила нам установить, что в Житии Александра Свирского, составленном в 1545 году по повелению новгородского архиепископа Феодосия игуменом Иродионом, содержатся обширные заимствования из Жития Саввы, принадлежащего перу Феодосия Хиландарца. В 1567 г. биография Александра Свирского была использована монахом Ошевенского монастыря Феодосием при составлении жития каргопольского подвижника Александра Ошевенского. В этом сочинении также сохранились - однако в несколько ином

^I Изд.: Ђ.Даничић: Доментиаан. Живот св. Симеуна и св. Саве. Београд, 1865.

варианте - отрывки текста, восходящего к сербскому памятнику.

Текст Жития Саввы нашел свое отражение также в биографии Ефрема Перекомского - она явилась, как установлено В.О.Ключевским, почти точным повторением повествования об Александре Свирском. Указанные факты важны для нас прежде всего как свидетельство известной общности идейно-художественных воззрений сербского агиографа и севернорусских авторов XVI в. Особенно явственно она обнаруживается при сопоставлении сербского жития и биографии Александра Ошевенского, автор которой сравнительно самостоятелен в изложении событий.

Как в Житии Саввы, так и в рассматриваемых русских житиях значительное место занимает описание детства подвижника, его первых шагов на иноческом пути. Именно в этой части рассказа русские авторы используют, прямо или опосредованно, труд Феодосия; за счет этих описаний существенно расширяется повествовательная основа сочинений. Сербский и русские агиографы не стремятся противопоставить подвижников окружающим как избранников божиих; их детство и юность не отмечены чудесными знаменьями, как это было, например, в Житии Сергия Радонежского. Вместе с тем много места уделено рассказу о нравственных качествах героев, о духовных истоках их подвигов. Автор Жития Александра Свирского полностью приводит в своем сочинении "назидательное" вступление Феодосия, восходящее к Житию Саввы Освященного, а также использует текст беседы с афонским монахом, которая определила жизненный путь Растко. Составитель Жития Александра Ошевенского пишет вступление самостоятельно, однако по своему характеру оно отвечает вступлению Феодосия и сохраняет ряд выражений из него. Вместо упомянутой беседы с монахом агиограф приводит аналогичный по своему значению в судьбе юности разговор с матерью, которая рассказывает сыну о явлении ей Богородицы и Кирилла

Белозерского.

В Житии Александра Ошевенского, как и в феодосиевской биографии Саввы, иноческий идеал строится на широком фоне окружающей подвижника житейской действительности. В обоих сочинениях появляется своеобразная психологическая характеристика тех из современников агиографов, кто воспринимает евангельские заповеди приземленно, пытается истолковать их в пользу преходящих человеческих желаний и душевных привязанностей. Однако изображение мирян и в сербском, и в русском житии не является односторонним. Авторам удается показать взаимоотношение различных мотивов в поведении персонажей, борьбу в человеке мирского и духовного начал. Характерен в этом смысле встречающийся в обоих сочинениях рассказ о переживаниях родителей иноши в связи с его уходом в монастырь.

Как и составитель Жития Саввы, биограф Александра Ошевенского не придает большого значения внешнему, видимому отречению подвижника от мирской жизни. Концепция иноческого идеала в этих произведениях не предполагает категорического неприятия "мира", душевная привязанность к ближнему и любовь к богу не становятся для авторов началами взаимоисключающими в изображении святых. Так, Савва задерживается в Сербии, уступая мольбам брата, несмотря на свою тоску по молитвенному уединению на Афоне; Александр Ошевенский, став монахом, поддерживает связь с родственниками.

Созерцательно-аскетические мотивы как в сербской, так и в русской житийной повести составляют лишь одну из сторон идеализации героев и тесно связаны с темой труда. Важнейшим вопросом для подвижников становится вопрос о выборе между отшельнической жизнью и активной церковной, общественной деятельностью, между личным спасением и спасением ближних. Вместе с тем составителя Жития Александра

Ошевского, как и Феодосия Хиландарца, весьма занимает вопрос о путях духовного совершенствования инока, о психологических основах и практике подвижничества. Агиограф проявляет особый интерес к одному из эпизодов, заимствованных Иродионом у Феодосия: рассказывая о приходе молодого монаха к игумену за благословением на отшельническую жизнь, он развивает мысли, заложенные в использованном им тексте, пытаясь более глубоко обосновать отказ игумена.

Как известно, в житийной литературе Руси XV-XVI вв. нашли свое отражение идеологические расхождения представителей двух церковных группировок - сторонников Иосифа Волоцкого /1439-1515/, с одной стороны, и "заволжцев", последователей Нила Сорского /1433-1508/, с другой. Изучение рукописного наследия, связанного с Житием Саввы, свидетельствует о том, что в XVI в. сербский памятник был широко распространен в севернорусских монастырях, духовных центрах "заволжцев". Таким образом, обращение Иродиона - составителя Жития Александра Свирского - к труду Феодосия было далеко не случайным. Что же касается биографа Александра Ошевского, то отмеченные выше черты его мировосприятия довольно ярко характеризуют его как представителя "заволжского" направления. Светлый, оптимистический тон житийной повести о Савве, внимание ее автора к внутренней жизни человека, проповедь любви, смирения, снисхождения к ближним были созвучны настроениям севернорусских агиографов XVI в. Вместе с тем весьма показательны, что идейный противник Нила Сорского проявляет интерес к другому памятнику южнославянской агиографии - Житию Стефана Дечанского, написанному Григорием Цамбалаком. Здесь Иосиф Волоцкий находит подтверждение важной для него идее неотвратимости наказания свыше за посягательство на церковное имущество.

В XVI в. житийная проза Руси была стилистически довольно неоднородна. В отличие от нее, сербская агиография XIII-XIV вв. по сути дела не знает деления на монашеско-аскетическую, с одной стороны, и официальную, отражающую главным образом церковно-политические интересы, с другой. Немаловажно, что сочинение Феодосия оказало влияние не на официальную литературу "высокого" стиля, развитие которой поощрялось московскими властями, а на жития основателей севернорусских монастырей, отличающиеся, по наблюдениям Л.А.Дмитриева, разнообразными отступлениями от канона.^I Авторами этих житийных повестей были восприняты не "этикетные" стороны повествования сербского агиографа, а те принципы изображения подвижника, которые связаны с нравственно-психологической стороной его жизни.

В XV-XVI веках в русских житиях заметно усиливаются церковно-ораторские, проповеднические начала. Стилистические принципы Феодосия Хиландарца, обусловленные его стремлением показать читателям, в том числе мирянам, путь духовного возрождения, были, очевидно, близки значительной части русских агиографов XVI столетия. Сочинение одного из них - биографа Александра Ошевенского - в этом отношении особенно показательно.

Сопоставительное изучение сербского и русского житий представляет немалый интерес с точки зрения тех изменений, которые претерпевает агиографический жанр в славянских литературах в процессе своего развития, в частности с точки зрения его беллетризации. Отметим здесь лишь некоторые особенности стиля, общие для сочинения Феодосия и Жития Александра Ошевенского.

Смена событий, развитие действия становятся определяющим мо-

^I Л.А.Дмитриев. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XV вв. Л., 1973, с.266.

ментом в организации художественного времени в обеих житийных повестях; в них нередки примеры художественно достоверного описания поведения человека в различных житейских обстоятельствах; агиографы дают читателю возможность увидеть, как окружающая обстановка, эмоциональное состояние персонажей сказываются на их внешнем облике; изменения в образе мыслей героев объясняются не чудом, а получают психологическую мотивировку.

Как сербское, так и русское жития посвящены инокам, людям, которые при всех своих тесных связях с "миром" уже не принадлежат ему. В этих сочинениях не происходит разрушения традиционной для агиографии идеализации, что имело место в ряде русских житий XIII века, где образы героев прочно связаны с бытом.¹ Однако по сравнению с древнейшими житиями образ подвижника заметно усложняется; в нем становится значимым не только религиозно-аскетическое, но и отчасти противоречащее ему мирское начало. В изображении святого появляются новые стороны: так, идеализируются и его духовные, и душевные, человеческие качества. Отмечаемое расширение границ идеализации в свою очередь означало возникновение художественной целостности в изображении человека в агиографической литературе.

Заключительный раздел второй главы диссертации – текстологический. В нем рассмотрены вопросы распространения феодосиевского Жития Саввы в русской рукописной традиции.

Вопрос о редакциях Жития Саввы, бытовавших в России, получил в литературе противоречивое истолкование. В научный оборот сначала была введена краткая редакция памятника, один из списков кото-

¹ См., напр.: Д.С.Лихачев. Кризис средневековой идеализации человека в житийном жанре. В книге: Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 104-106.

рой был обнаружен Янко Шафариком в сборнике из библиотеки Одесского университета.¹ В статье Ст.Новаковића, где был приведен перечень разночтений между текстом одесской рукописи и текстом биографии Саввы /по изданию Дж.Даничича 1860 г./, краткая редакция получила наименование третьей, или русской, редакции Жития Саввы.² Д.Стоянович первым обратил внимание ученых на ряд русских рукописей, в которых содержится полный текст труда Феодосия.

Текстологическое изучение русских списков Жития начато сравнительно недавно. Почти все рукописи, обнаруженные в 1975 г. Д. Богдановичем, содержали краткую редакцию Феодосия. Это привело ученого к предположению, что тот вариант сокращенного текста, который представлен в одесском списке, является своего рода исключением³. Текстологический анализ ряда рукописей с феодосиевским Житием, проведенный автором настоящей работы, показал, что семь из них принадлежат краткой редакции памятника, содержащейся в одесском списке. Тексты их имеют ряд разночтений как по отношению друг к другу, так и по отношению к пространной редакции. К краткой редакции относятся следующие списки: I/БАН, Архангельское собр., К № 31,

¹ Собр. В.И.Григоровича, № 34, ныне № I/102 (№ 20 по каталогу ОГНБ), см.: Живот деспота Стефана Лазаревића, великог кнеза српског. По одеском рукопису за штампу спремио др.Ј.Шафарик. - Гласник Српског ученог друштва, књ. XI, св. XXVIII. Београд, 1870.

² Ст.Новаковић. Прилози к историји српске књижевности, УП. Трећа редакција доментизанова "Живота светог Саве". - Гласник Српског ученог друштва, књ. XXXII. Београд, 1871.

³ Д.Богдановић. Нека запажања о руској редакцији Теодосиевог житија светог Саве.-Зборник Матице Српске за књижевност и језик, књ. XXIII/2. Нови Сад, 1975.

сборник I трети XVI в., 2/ГИМ, Синодальное собр., № 639, сборник I пол. XVI в., 3/ГПБ, собр. Погодина, № 1934, сборник I пол. XVI в., 4/ОГНБ им. А.М.Горького, № 1/102, сборник житий южнославянских святых, I пол. XVI в., 5/ГПБ, собр. ОЛДП, Ф-488, минея-четыре на январь, середина XVI в., 6/ГПБ, собр. Погодина, № 1939, сборник XVI в., 7/ГИМ, Музейское собр., № 2447, Житие Саввы XVII в. /2 четверть?/, 8/ГПБ, Q.I.354, сборник конца XVII-начала XVIII в.

Как известно, Житие Саввы Сербского вошло в состав Русского Хронографа. Наиболее же ранняя из дошедших до нас редакций Хронографа, разделенного на главы, относится к 1512 г. В.Ягич предполагал, что русская /т.е. краткая/ редакция Жития возникла в XV в. на Афоне и что именно она вошла в состав Русского Хронографа. Однако даже беглое сравнение текстов пространной редакции Феодосия, краткой редакции и соответствующих статей Русского Хронографа 1512 г. не оставляет сомнений в том, что составитель последнего использовал именно пространную редакцию Жития Саввы. Предположение о сокращении текста Жития с целью включения его в Хронограф сказывается несостоятельным. Вопрос о происхождении краткой редакции Жития Саввы теперь, спустя более чем столетие после выхода в свет статей Я.Шафарика и Ст.Новиковича, остается открытым.

Наблюдения над русскими списками пространной редакции Феодосия показывают, что по своим лексико-грамматическим особенностям они могут быть разделены на две группы. Отличия двух вариантов текста прослеживаются в подавляющем большинстве списков. Лишь в некоторых из них, датируемых в основном XVII в., деление на группы бывает иногда затруднено ввиду языковых изменений, обусловленных временем. Можно полагать, что Житие Саввы в пространном варианте русской редакции имело по крайней мере два протографа. Следует отметить, что

число списков Жития с первым вариантом текста составляет примерно шестую часть от общего числа рукописей, содержащих пространную редакцию южнославянского памятника.

По нашим наблюдениям, первый вариант текста присутствует во всех списках январских миней-четьих XVI в., включающих в себя пространную редакцию Жития. Автором обследованы следующие списки: 1/ТИМ, Синодальное собр., № 990, Великие миней-четы митрополита Макария, "Успенский" комплект, середина XVI в., 2/ТИМ, Синодальное собр., № 178, Великие миней-четы, "Царский" комплект, середина XVI в., 3/ГБЛ, Музейное собр., № 8188, миней-четы, 2 пол. XVI в. Второй вариант текста находим лишь в некоторых более поздних минеях /ТИМ, Синодальное собр., № 801, миней-четы Иоанна Милутина, середина XVII в.; ГБЛ, собр. Овчинникова, № 265, миней-четы, старообрядческая рукопись XVIII в./ Эти рукописи характеризуются также тем, что в отличие от "старших" миней не содержат Похвалу Симеону и Савве Сербским Феодосия Хиландарца.

По-видимому, справедливо предположить, что Житие Саввы Сербского впервые проникло в русскую письменность в составе миней-четы, причем в первом из выделенных нами вариантов. Житие в этой минее сопровождалось, очевидно, Феодосиевской Похвалой.

В упоминавшихся минеях-четьих XVII и XVIII вв. текст биографии Саввы, по всей вероятности, имеет своим источником более позднюю по времени появления в русской книжности группу списков. Известно, что некоторые списки памятника, как пространной, так и краткой редакции, содержат записи о принесении его на Русь. Н.А. Казакова отметила, что, судя по записи писца Михаила Медоварцева в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря № 30/1269 из собрания ГИБ, данный список представляет собой копию текста из святогорской рукописи,

привезенной в московское государство в 1517 г.¹ Рукопись содержит пространное Житие Саввы и Похвалу Симеону и Савве Сербским. Важно отметить, что эта рукопись отражает особенности второго из известных нам вариантов текста памятника. Очевидно, она и положила начало более широкому распространению Жития Саввы в России. Это выразилось, в частности, в преобладании числа списков, отражающих особенности текста второго протографа Жития, по сравнению со списками первой группы.

Хотя все русские списки с записями о принесении Жития называют Святуу гору в качестве источника появившейся в 1517 г. в России сербской рукописи, часть из них говорит о хиландарском, а часть — о ватопедском происхождении ее. В первом случае в записях упоминается старец Ибана /ГБЛ, Рогожское собр., № 174; ГБЛ, собр. Егорова, № 657; ГИМ, собр. Барсова, № 1549; ГИМ, Синодальное собр., № 639; БАН, Архангельское собр., К № 31/, во втором — старец Исайя /ГБЛ, Рогожское собр., № 665; ГБЛ, Рогожское собр., № 160; ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 30/1269/. В некоторых списках не уточняется, из какого именно монастыря попала к нам рукопись. По мнению Д. Богдановича, протограф русских списков Жития имеет хиландарские корни.² Однако если учесть, что тексты памятника в русских рукописях восходят к различным протографам, то ответ на этот вопрос вряд ли останется однозначным. В данном случае весьма важным оказывается сообщение Михаила Медоварцева в Кирилло-Белозерской рукописи о ватопедском происхождении сербского оригинала Жития. Поскольку эта рукопись, как мы отмечали, является копией со святогорской, привезенной на Русь в 1517 г., указание писца на Ватопед, скорее всего, соответ-

¹ ТОДРЛ, т. ХУП, М.-Л., 1961, с.181.

² Д. Богдановић. Указ. соч., с.250.

ствует истине. В таком случае мы могли бы говорить об этом монастыре как об источнике протографа тех русских списков Жития Саввы, в которых представлен второй вариант текста. Вопрос о происхождении протографа рукописей с особенностями первого варианта еще более сложен. Отметим лишь, что в них, как и в списках краткой редакции памятника, монастырь Ватопед не упоминается.

Исследование рукописной традиции Жития Саввы тесно связано с вопросами бытования на русской почве других сочинений древнесербских авторов, посвященных подвижнику. Как известно, первое упоминание о Савве Сербском в русских рукописях относится к 1438 г. По всей вероятности, в XV в. в русской книжности появляется проложное житие Саввы /например, ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 720, Пролог 1469 г., л.229 об./. Такое житие находим, вслед за сочинениями Феодосия - Ефтием Саввы и Похвалой Симеону и Савве Сербским - в упоминавшихся нами январских сборниках "Успенского" и "Царского" комплектов Великих миней-четьих. По-видимому, в XV в. в России переписывались также рукописи со Службой Савве. Вместе с Ефтием Служба Савве встречается лишь в сравнительно поздних списках, относящихся к XVII в. /ГПБ, собр. Погодина, № 777; ГПБ, собр. Титова, № 3705/. Похвалу Симеону и Савве Сербским находим почти в половине обследованных нами рукописей с Ефтием. Как было установлено С.П.Розановым, она была распространена в России в двух вариантах - полном и кратком. Во всех изученных нами рукописях представлен полный вариант Похвалы, изданный Розановым по списку ГИМ, Синодальное собр., № 635.^I Краткий вариант ее встретился нам

^I С.П.Розанов. Источники, время составления и личность составителя Феодосиевской редакции Жития Саввы Сербского. - ИОРЯС Академии Наук, т. XVI, СПб, 1912, с. 185-209.

лишь в рукописях, не содержащих Житие; очевидно, эта редакция Похвалы проникла в Россию независимо от Жития Саввы.

Принципы освоения текста Жития Саввы Сербского русскими книжниками довольно разнообразны. Так, обращают на себя внимание многочисленные списки Жития с делением на главы, датируемые большей частью ХУП-м в. Особенно распространенным было деление на 185 глав /12 из обследованных нами списков/. Начиная с ХУІ в. в нашей книжности бытуют отрывки из сочинения Феодосия /например, в сборнике четырёх-минейных статей середины ХУІ в., - ГПБ, Соловецкое собр., № 834/944, л.496/. Для старообрядческих сборников ХУШ в. характерны выписки из Жития, имеющие церковно-догматическое значение /например, ГПБ, собр. Колобова, № 260, л.180 об./ С конца ХУП-начала ХУШ в. в русской книжности появляются переработки Жития Саввы Сербского. В первой из них текст памятника подвергся существенным изменениям: это самостоятельное сочинение, написанное на основе феодосиевского. Известен лишь один его список /ГИМ, Синодальное собр., № 146, сборник келейный конца ХУП-начала ХУШ в./. Другая переработка Жития обнаружена нами в ГИМе, в собрании Барсова /№ 1579, сборник начала ХІХ в./. Здесь мы встречаемся с сокращённым изложением биографии Саввы, причём отдельные части оригинального текста сохранены.

Судьба Жития Саввы в нашей книжности даёт возможность проследить отдельные вехи становления самой русской литературы. Однако следует отметить, что отношение русских книжников к тексту южнославянского памятника было, как правило, очень бережным. Списки, в которых текст Жития сохраняется без каких-либо изменений или пропусков, встречаются в рукописях вплоть до ХІХ в. Обращает на себя внимание и факт повсеместного распространения Жития Саввы в отдель-

ной книге, а также его включение в Великие мисси-четы, одно из важнейших "обобщающих" литературных начинаний макарьевской эпохи.

Интерес к Житию Саввы Сербского на Руси свидетельствует о некоторых новых тенденциях в развитии русской агиографии, наблюдаемых в XVI в. Особенно показателен в этом смысле факт заимствования из сочинения Феодосия нашим книжником отдельных частей текста, в результате чего образные элементы Жития вошли в художественную ткань ряда произведений древнерусской литературы. Примеры подобных заимствований не раз встречаются в истории русско-сербских литературных связей. Так, Доментиан при составлении своих риторических житий обращался к русской ораторской прозе, к творчеству митрополита Илариона. В XVI в., как мы видели, такое явление имеет место в сфере одного жанра. Следует особо отметить, что контакты двух стран в области книжности в данном случае довольно скоро - по меркам средневековья - сказываются в плане собственно литературном.

Изучение судьбы Жития Саввы в русской книжности во многом углубляет наши представления о южнославянско-русских литературных связях, в частности, о так называемом втором южнославянском влиянии. Следует отметить, что при постановке вопросов возникновения и развития эмоционально-экспрессивного стиля в русской агиографии интересующий нас памятник практически не принимался во внимание. Исключение составляют работы В.А.Мошина. Выдвигая предположение, что Житие Саввы должно было довольно рано проникнуть на Русь, ученый отмечает также, что оно несло с собой "агиографическо-панегирический стиль, который... особенно сильно повлиял на формирование литературного стиля второго южнославянского влияния."¹ Необходимо

¹В.А.Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X-XV вв. ТОДРЛ, т. XIX. М.-Л., 1963, с. 101.

иметь в виду, что достоверных данных о бытовании Жития Саввы на Руси в XIV-XV вв. пока нет. Вероятнее всего, в XV в. этот памятник распространялся у нас лишь в составе миней-четьех. Что же касается непосредственного влияния Жития на русскую агиографию, то результаты проведенного исследования позволяют отнести его только к середине XVI в., а это сроки значительно более поздние, чем приняты большинством исследователей для "второго южнославянского влияния".

Изученный нами материал - одно из свидетельств тому, что преломление в русской духовной жизни различных элементов византийской и южнославянской культуры было процессом сложным и неоднозначным и что в области литературы оно не может сводиться к восприятию принципов риторико-панегирического стиля русскими книжниками. Интерес к личности человека, к его внутренней жизни, который в русской словесности XIV-XV веков находит свое выражение в возрождении экспрессивно-эмоционального стиля, сохраняется и в литературе XVI столетия. Однако в севернорусской агиографии в этот период он проявляется во многом иначе, чем, скажем, в творчестве Епифания Премудрого. Как мы видели, особое внимание книжники северной Руси уделяют рассказу об отношениях подвижника с окружающими людьми, с "миром", прослеживают путь духовного совершенствования героя в психологических подробностях, причем нередко идеализируют его душевные качества. Усиление биографического начала в житиях, приближение их к житейской реальности сопровождалось известным "снижением" как образа самого подвижника, так и стилистических принципов в целом, а в отдельных случаях - беллетризацией повествования. Именно здесь обнаруживается наиболее отчетливо близость художественных принципов сербского и русских книжников. Образцы "высокого" стиля, встречающиеся у Феодо-

сия, почти не были восприняты нашими агнографами.

В период с конца XIV в. южнославянско-русские литературные отношения в целом представляли собой довольно сложную картину. Это было обусловлено тесной связью в средние века литературы и других областей духовной культуры, длительностью периодов изоляции православных стран друг от друга, разнородностью и многообразием явлений, которые охватывала каждая национальная традиция и различиями в их хронологии. Вместе с тем очевидно, что именно единство закономерностей становления художественного сознания в Сербии и на Руси и в частности общие черты в развитии житийного жанра стали в XVI столетии, как и в предшествующие века, главной предпосылкой взаимодействия двух родственных славянских литератур, которое проявилось в многообразных формах бытования в русской книжности Жития Саввы Сербского Феодосия Хиландарца.

В Приложении предложена классификация известных автору русских списков Жития Саввы, дано краткое их описание, а также приведены тексты, иллюстрирующие положения работы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского. "Советское славяноведение", 1984, № I, с. 68-82 /I,3 а.л./.

2. Из истории сербско-русских литературных связей /Житие Саввы Сербского и русские агнографы XVI в./ "Советское славяноведение", 1985, № I, с. 76-81 /0,5 а.л./.

3. Житие Саввы Сербского в русской книжности XVI в. В сборнике: "Этногенез, ранняя этническая история и культура славян". М., "Наука", 1985, с. 52-54 /0,1 а.л./.

Подписано в печать 18-III-86 г.

Заказ № 392. Тираж 100 экз. Объем 1,0 п.л.

Отпечатано в Дипломатической академии МИД СССР.

